

A rock band of five members is performing on a stage. The lead singer, a young man with curly hair, is in the foreground on the left, wearing a dark suit and playing a red electric guitar. Behind him is a bassist with long red hair. In the center, a drummer is seated behind a drum kit, including a prominent white bass drum with the 'Zildji' logo. To the right of the drummer are two guitarists, one with long blonde hair and another with long dark hair. The stage is lit with dramatic blue and purple spotlights from above, creating a moody atmosphere. The background is dark, with some faint outlines of stage equipment.

Алекс Мерли

По своим следам 7

# Алекс Мерли

## По своим следам 7

*<https://litres.ru/73771444>*

*SelfPub; 2026*

### Аннотация

Что такое время? Это не стрелки на циферблате и не цифры на экране.

Время – это тонкая, дрожащая нить между «ещё можно» и «уже нельзя». Это тот самый миг, когда в твоих руках есть сила повернуть штурвал. Исправить, догнать, обнять.

Время – это тёплое дыхание, которым ты успеваешь выдохнуть «прости», и холодный камень вины не ложится на сердце.

Время – это развилка дорог под ногами. Одна – гладкая и укатанная, другая – каменистая, уходящая в гору. И ты чувствуешь в себе силы пойти по второй, потому что знаешь: именно там, на вершине, тебя ждёт настоящий рассвет.

Время – это решающий удар сердца. Тот самый, что отделяет победу от поражения, встречу от вечной разлуки. Не позволяйте вашим моментам становиться прошлым, о котором вы жалеете. Живите в них. Именно время перевернуло, всю жизнь Александра Махрова. Некие высшие силы отправили его обратно в юность, видимо для того чтобы исправить ошибки молодости, пусть и в альтернативную реальность, но в молодость. Главное не наломать новых дров.

# Содержание

Глава 1	4
Гл	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

# Алекс Мерли

## По своим следам 7

### Глава 1

Странно. Почему дверь закрыта? Я, конечно, всё понимаю: воскресенье, утро... Но ведь Коваленко знал, что мы придём. Сам же вчера шутил про «день открытых дверей для избранных». И вот я стою, как дурак, перед этой массивной, хоть и не дубовой, дверью, и мне кажется, она насмехается над моей растерянностью.

В голову почему-то полезли строчки из старой песни на мои же стихи, из прошлой жизни:

*Вот Архипыч бродит, грустный вид,*

*Голова шумит, душа болит.*

*И богатства не нужны ему —*

*Лишь бы рюмочку махнуть, да не одну.*

Может, Иваныч опять оставил вместо себя соседа-пьянчужку? Как же его звали... Антоха? Митроха? Кажется, Ко-

валенко называл его Ерохой. Точно, Ероха. Странное имя — а может, прозвище. В прошлый раз я даже не задумался. Да и какая, в сущности, разница? Главное, что открывать никто не торопится.

Я постучал снова, на этот раз сильнее. Глухой звук утонул в тишине утреннего города.

Вспомнилось другое, из репертуара «Поющих гитар»:  
*Воскресенье — радостный день!*

*Пусть исчезнет спор наших тень!*

Только вот с ними я был категорически не согласен. Ни черта радостного в этом утре не было. Начинающееся воскресенье мне совсем не улыбалось. Скоро подойдут ребята, и моё кислое настроение перейдёт к ним как бонус за ожидание.

Я постучал в третий раз, уже без прежней уверенности. Стук получился робким, почти извиняющимся, словно я и сам не верил, что мне откроют. Никто и не открыл.

В голове зароились тревожные мысли. Что, если случилось непредвиденное? Коваленко немолод, да и здоровье у него не железное. Недавно прямо на работе прихватило — камень в почке сдвинулся. Неужели опять? И ему срочно нужна помощь? Я отогнал эту мысль. Не хотелось накликать беду — с тех пор как моё сознание забросило в эту альтернативную реальность, я готов поверить во что угодно. Даже в то, что мысли могут стать явью, стоит лишь очень сильно

захотеть и взглянуть на небо.

Я огляделся. Улица была пустынна. Редкие прохожие, кутаясь в шарфы, спешили по своим делам, не замечая одинокую фигуру, застывшую у закрытой двери. Ленивое февральское солнце только-только поднималось над горизонтом, бросая холодные лучи на просыпающийся город.

Внезапно в памяти всплыла песня о моём городе, написанная Володей Цеплиенковым на мои стихи. Слова сами собой сложились в голове:

*Проснётся солнце на рассвете,*

*Затем разбудит город мой.*

*На храме купола осветит,*

*Настанет день очередной.*

*А Волга-матушка всё дремлет,*

*Туман окутал берега.*

*Ах, как люблю я эту землю,*

*Родные, милые места...*

Где же теперь те места, что так грели душу?

Воспоминание нахлынуло без спроса, яркое и обжигаю-

щее. Вот я, мальчишка, сижу на старом, вытертом до блеска бревне. Отец рядом, молча красит нашу лодку. В воздухе смешались запахи краски, речной воды, тины и дымка от далекого костра. Волга дышала спокойствием и вечностью, её могучее течение уносило все детские тревоги. Каждый рассвет, пробивавшийся сквозь молочную дымку, казался обещанием чего-то нового и светлого.

Память хранила и другие образы: песчаный остров, который мы с друзьями прозвали «Необитаемым». Наши шалаши из коряг, выброшенных на берег. Картошка из костра — обугленная снаружи, но пропитанная ароматом счастья. Прибрежные камни и склонившиеся к воде ивы казались частью нас самих.

Всё это осталось там, в иной, недостижимой реальности. В мире, который был моим домом. Там же покоится и моё тело. А сознание по чьей-то неведомой прихоти перенеслось сюда.

— Так дело не пойдёт, — произнёс я вслух, и собственный голос показался чужим. — Хватит раскисать. Хватит перебирать прошлое, словно старые фотографии.

— И с кем это наш уникум беседует? — раздался за спиной голос Лёхи Тарана.

Я вздрогнул и резко обернулся. Парни с любопытством смотрели на меня. «И давно они здесь стоят?» — мелькнуло в голове. Надеюсь, я не сказал вслух ничего лишнего.

— С совестью, Лёх, с совестью— буркнул я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

— Санёк, а почему ты решил со своей совестью на улице разговаривать? — поинтересовался Хазов. — Напоминаю для особо одаренных: сейчас не май, а всего лишь февраль. — Он обвел парней взглядом, словно ища поддержки.

— А, я понял! — воскликнул он через мгновение, сдвинув шапку на затылок. — Ты закалку мозгам проводишь. Что ж, дело нужное. А мы, пожалуй, внутрь. У нас на холоде мозги тупеют, не то, что у тебя. Вот отморозим мы их, как потом репетировать будем?

— Тебе Вовчик главное желудок не отморозить, а остальное ерунда, — подколот его Лёха.

— Идите, ждите хоть до посинения, — я посторонился, пропуская их к двери.

— Не понял, что за прикол? — произнес Серёга, дергая ручку. — Санёк, ты зачем дверь запер? Открывай!

— Чем я тебе открою, пальцем? У тебя свои есть, вставляй в скважину любой, какой не жалко. Думаете, я тут просто так стою, мозги проветриваю? — я выразительно посмотрел

рел на Хазова. Тот смущенно отвел взгляд, делая вид, что изучает сугроб. — Делать мне больше нечего, как ноги морозить. Вон Лёха в валенках, ему тепло, а мне не очень.

— Санёк, так что с дверью-то? — перебил меня Серёга, безуспешно теребя ручку. — Ты стучал?

— Нет, Серый, только погладил да ручку пару раз поцеловал. Не открылась.

Лёха, до этого молча наблюдавший за сценой, подошел и с силой рванул ручку. С тем же успехом он мог бы остановить мчащийся автомобиль — дверь не поддавалась.

— Конечно, стучал, — уже серьезно ответил я. — И ногами пинал. Результат, как видите, нулевой.

— И что теперь делать? — спросил Вовчик, прижимаясь ухом к двери. — Тихо, как в морге.

Лёха отступил, растирая окоченевшие пальцы.

— Может, зря пришли? Вдруг там никого? — неуверенно предположил он.

А я смотрел на его валенки и отчаянно завидовал. Мои

ботинки, хоть и считались зимними, давно превратились в ледяные колодки, и пальцы в них онемели.

— Да как никого? — возмутился Серёга. — Мы же с Коваленко вчера на эту тему разговаривали. Сегодня его дежурство.

— Вот, что парни — произнёс я, переступая с ноги на ногу, чтобы хоть как-то разогнать кровь. — Нужно милицию звать, пусть дверь вскрывают или вызывают начальство. Вдруг с Коваленко опять беда приключилась. Не стёкла же бить, чтобы внутрь проникнуть. Потом же нас во всех грехах и обвинят. А если Иваныч того... — я замолчал, стараясь отогнать крамольную мысль, которая, похоже, пыталась проникнуть и в головы ребят.

— За углом на Грибоедова пункт ДНД. Нужно туда идти. Пусть срочно меры принимают — принял решение Серёга, обведя нас взглядом. — Кто пойдёт?

— Я могу сходить, ноги хотя бы разомну, а то они совсем заковенели.

— И давно ты здесь дверь целуешь? — спросил с ехидством Лёха.

— Минут тридцать не меньше. Точнее сказать не могу, часы впопыхах дома забыл.

В прошлой жизни я часов не носил, хватало мобильного. Зато где я его только не оставлял: и в туалете, и в ванной, и на работе. Говорят, движение — это жизнь, согласен, особенно когда ищешь в квартире свой мобильник и не находишь, а он

оказывается на работе лежит себе, полёживает, и наплевать ему на то, что хозяин чуть ли не с ума сходит в поисках пропажи. А если злой рок в виде севшей батареи или беззвучного режима настиг ваш гаджет? Тогда — простая бытовая задача по его поиску обретает все черты шпионской саги со всеми вытекающими последствиями.

Я уже двинулся в нужном направлении, как голос Хазова остановил меня.

— Санёк подожди, вон девчонки идут, пускай они и сходят. Заодно отработают своё очередное опоздание.

— Привет мальчики, что вы тут мёрзните? Вас внутрь не пускают? — весело спросила Катя. Её щеки горели румянцем, а в глазах плясали озорные огоньки.

— Да нет, мы сами не заходим, воздухом здесь дышим, — сострил Лёха, выдыхая облачко пара. Он попытался рассмеяться, но смех получился каким-то сдавленным от холода.

— Давай без шуток, — попросила Марина, глубже пряча лицо в воротник своего бежевого пальто. В отличие от Кати, ей было совсем не до смеха.

Лёха обменялся взглядом с Серёгой, и его улыбка тут же угасла.

— А если без шуток, то вам нужно бежать в штаб ДНД, — ответил Серёга ровным, но полным тревоги голосом. — Нам никто не открывает. Сегодня дежурит Коваленко, мало ли

что с ним могло случиться. Так что, девушки, поторопитесь.

— Но почему именно мы? — с нотками обиды уточнила Марина. — Это несправедливо, мы ведь только что подошли.

— А ваши постоянные опоздания, по-вашему, это справедливо? — с лёгким нажимом поинтересовался Серёга, скрепя руки на груди. — Мы здесь уже минут двадцать мёрзнем. Стучали — никакой реакции. А Санёк, тот вообще около часа тут танцует. У него уже ноги замёрзли. Так что давайте, действуйте. И учтите, — добавил он, понизив голос, — от вашей скорости, возможно, зависит жизнь человека. Вдруг Коваленко стало дурно, и ему срочно нужна помощь врачей.

Марина прикрыла рот ладонью и заметно побледнела, живо вообразив эту картину.

— Катя, чего ты застыла? Побежали скорее, вдруг Юрию Ивановичу действительно нехорошо! — И, не дожидаясь подруги, она сорвалась с места в сторону штаба.

— Маринка, постой, я с тобой! — крикнула ей вслед Катя, бросаясь следом.

**Отступление**

— Юра, ты долго ещё в постели нежиться собрался? Вставать пора. Ты часом не забыл, что тебе сегодня на работу?

— Забудешь тут с вами — пробурчал Коваленко, поворачиваясь на другой бок.

— С кем это с нами? — грозно спросила супруга, подбоченившись. — Ты кого имеешь ввиду? Опять с этой шалавой Нинкой связался? Так я её космы-то повывёргиваю, будет знать, как на чужих мужиков зариться. Вставай кобель похотливый, жрать сегодня сам себе купишь. Это тебе в наказание. Деньги у тебя есть, ты мне с получки двенадцать рублей не додал. Так, что крутись, как хочешь. Вечером приду тебя встречать, так, что никакого пива с друзьями.

— Рая, ты совсем охренела! — рывкнул на всю квартиру Коваленко, поворачиваясь к ней лицом. — Какая на хрен Нинка? Вечно ты меня позоришь.

— Ой, поглядите на него хорошие люди, никак у нашего кобеля голос прорезался? За живое я тебя задела, да? Будь моя воля я бы тебе достоинство-то, укоротила. Что бы ты скотина такая всю оставшуюся жизнь помнил, как по бабам бегать.

Коваленко рывком вскочил с кровати, хватая супругу за грудки.

— Ну всё, молись Дездемона! — грозно выкрикнул он,

замахиваясь.

— И, что ты мне сделаешь, трус несчастный, да ты и муху убить не спосо... — Договорить она не успела, увесистый кулак супруга ударил её в челюсть. Раиса отлетела в угол и затихла. Из её рта на подбородок потекла кровь.

Тишина, густая и вязкая, заполнила комнату. Коваленко стоял, тяжело дыша, и смотрел на свою руку. Кулак, только что бывший оружием, теперь казался чужим, незнакомым. Пальцы мелко дрожали. Он никогда раньше не бил её. Кричал — да, толкал — бывало, но чтобы так, по-настоящему, со всей силы...

По спине Юрия Ивановича пополз ледяной пот. Страх, липкий и тошнотворный, сковал его изнутри. Он сделал неуверенный шаг к супруге. Она так и лежала на полу у кровати — неподвижная, сломанная кукла. Её глаза, в которых ещё недавно плясали гневные искры, теперь были пустыми зеркалами, отражавшими потолок. Тёмная корочка запекшейся крови на подбородке казалась чудовищной усмешкой.

— Рая?.. — выдохнул он, но из горла вырвался лишь хриплый шёпот.

Молчание, глухое и вязкое, как тряси́на. Оно было страшнее её криков, её вечных упрёков. В этой тишине звучал приговор.

— Господи... я убил её, — осознание накрыло Коваленко, и он рухнул на колени рядом с телом жены.

Дрожащая рука потянулась к её восковой щеке, и тут мёртвую тишину комнаты взорвал звук. Репродуктор, хрипевший и молчавший последнюю неделю, ожил и залился беззаботной песней:

— *А, а, а! - солнце смеется!*

— *Вновь с тобой я, я рядом пойду!*

— *Пусть всегда, да, да, он остаётся,*

— *Этот день, день, день – самый лучший в году!*

Коваленко отшатнулся, будто его ударило током. Дикая, иррациональная ярость захлестнула его. Вся боль, страх и ненависть к самому себе нашли выход в одном сокрушительном ударе по источнику звука. Корпус лопнул как мыльный пузырь, внутренности репродуктора вывалились наружу. Но, даже болтаясь на проводах, изувеченный динамик продолжал сипеть издевательскую мелодию, превращая трагедию в жуткий фарс.

— *Ах, Арлекино, Арлекино!*

*Нужно быть смешным для всех!*

— *Арлекино, Арлекино,*

— *Есть одна награда — смех...*

\*\*\*

— Повторите, пожалуйста, фамилию сторожа, — уже во второй раз попросил девушек пожилой капитан милиции. Плечом он прижимал к уху тяжелую телефонную трубку, а

свободной рукой усердно выводил что-то в своем блокноте.

Всего пару мгновений назад капитан Романов был всецело поглощен чтением: перед ним на столе лежал «Момент истины», унося его в свой вымышленный мир, заставляя переживать события минувшей войны.

Тишину его кабинета нарушал лишь аромат крепкого индийского чая, который он время от времени пригубливал, наслаждаясь терпкой сладостью. Внезапно покой был прерван: в помещение ДНД ворвались две симпатичные, покрасневшие от мороза и бега девушки. Задыхаясь и перебивая друг друга, они начали рассказывать о каком-то стороже, который не открывает им дверь. С трудом вникнув в суть их сбивчивого рассказа, Романов решил позвонить в отделение, чтобы разузнать о таинственном охраннике училища ГУР-ЭП. Завершив разговор с дежурным, которому он кратко обрисовал положение дел, Романов медленно опустил трубку. Наступила тишина, прерываемая лишь его тяжелым дыханием. Прошло несколько минут, прежде чем он стряхнул с себя оцепенение и посмотрел на девушек.

— Девушки, послушайте меня внимательно: отправляйтесь по домам, не стоит зря мерзнуть на улице. Сегодня вам никто не откроет. Приходите завтра.

— Что случилось с Юрием Ивановичем? — обеспокоенно спросила Катя. — Он жив?

— Жив, жив, не волнуйтесь. И даже чувствует себя относительно неплохо, чего, к сожалению, нельзя сказать о его

жене.

— А что с ней? — не сдержалась Марина. — Она заболела?

— Можно и так выразиться, — тяжело вздохнул Романов. — Она сейчас в больнице, в очень тяжелом состоянии.

Романов отпил еще чаю, предвидя шквал вопросов.

— Скажите, вы знаете, что с ней случилось? — спросила Катя.

Романов внимательно посмотрел на нее, затем кивнул.

— Ваш сторож, Коваленко Юрий Иванович, причинил ей серьезную черепно-мозговую травму. Выживет ли она, пока неизвестно. Прогноз врачей, пятьдесят на пятьдесят. Вот такие невеселые новости, девушки.

Марина, услышав эти слова резко побледнела и прикрыла рот ладошкой. — Мамочки, — только и смогла произнести она, сползая по стене.

\*\*\*

— Ну где их носит? — не унимался Хазов, топчась на месте. — Пешком до Камчатки быстрее!

— Так ходил бы сам, герой, — поддел его Смирнов. — Сашка вон сразу вызвался.

— И что, пошёл? — огрызнулся Хазов, уже теряя интерес к спору.

— Не пошёл, — согласился Серёга и, хитро прищурившись, посмотрел на Вовку. — А знаешь почему?

— Ежу понятно! — фыркнул тот. — Ты же вместо него девчонок отправил.

— Голова! — одобрительно хмыкнул Серёга, но Лёха прервал их перепалку:

— Заткнитесь оба. Катька летит.

Мы повернулись на его голос. Из-за угла и правда неслась запыхавшаяся Катя. Одна.

— Отлично, — процедил Хазов. — А вторую где оставила?

Катя притормозила рядом с нами, едва не улетев по инерции в сугроб.

— Мальчики, мальчики, — произнесла Катя, переводя дух. — Там, там Маринке плохо, — она кивнула в ту сторону, откуда прибежала.

— Катюш, — обратился я к ней, — где ты Марину оставила, на улице, что с ней? Она же замёрзнет. Эх ты, а ещё подруга, бросила человека в беде.

— Ничего я не бросила, — обиженно произнесла Катя. — Она там, в ДНД осталась. Ей милиционер скорую помощь вызвал. Пойдёмте скорее туда. — Катя призывно махнула рукой.

— Зачем мы туда пойдём? — удивлённо спросил Серёга. — Сейчас с Коваленко разберутся, и он нам дверь откроет, а ты иди, поддержишь Марину. Кстати, что с ней приключилось?

— От переживания сознание потеряла, — сказала Катя, и мне показалось, что она тихонько всхлипнула.

— Тогда тем более не оставляй её одну. Когда всё наладится, приходите репетировать будем. Мы и так много времени потеряли из-за Коваленко.

Катя, шмыгнув носом, кивнула и, развернувшись, побежала обратно, но тут же остановилась.

— Мальчики, — Катя неуверенным шагом подошла к нам, в её походке угадывалась какая-то недосказанность. — Ребята, я забыла вам сказать: репетиции сегодня не будет. Так, что можете не морозиться и идти домой.

— Врёшь! — воскликнул Володька. — С какой такой стати репетиции не будет? Мы, что зря тут столько времени мёрзнем?

— Да подожди ты! — Воскликнул Лёха. — Дай человеку высказаться. Куда ты так торопишься? Столовка сегодня всё равно не работает. Так что не судьба червячка заморить. Будет у тебя сегодня разгрузочный день, Кефир с бубликами или молоко с батоном. Выбор богатый, решай сам, что тебе по душе.

— Катюш, — Серёга постарался, чтобы его голос звучал как можно мягче, — объясни по-человечески, что с Коваленко? Мы его вообще увидим? А если нет, то кто нам дверь отопрёт?

Катя устало покачала головой. — Спрашивайте у прокурора, ребята. Я тут ни при чём.

— Погоди, Кать, какой ещё прокурор? — Лёха шагнул к ней, пытаясь заглянуть в глаза. — Ты нас не пугай.

Она подняла на него тяжёлый взгляд.

— Его арестовали. Жену избил до полусмерти. Она в реанимации, врачи говорят — шансов пятьдесят на пятьдесят.

— Вот так дела, — усмехнулся Хазов, сдвинув шапку на затылок. — Что ни день, то новые чудеса в нашем государстве. Не зря мне сегодня вставать не хотелось. Пятой точкой чуял, что день будет тот ещё.

Таран с ухмылкой зашёл Вовке за спину.

— Володенька, — проговорил он обманчиво-ласковым голосом, бросив многозначительный взгляд ему ниже пояса. — Ты бы поберёг свою «ведунью». Не ровен час, застудишь, и кто тогда тебе будущее предскажет? У нас, в отличие от тебя, таких провидцев нет. Наш дружный хохот вспугнул голубей и кота, охотившегося на них. Кот злобно посмотрел в нашу сторону и, сказав нам что-то на своём кошачьем, направился в более спокойное место.

Да ну вас, — отмахнулся Хазов, но в глазах его читалось уважение к собственному чутью.

— Мальчики, я вам сказала всё, что знаю, теперь думайте, что с этой информацией делать. А мне пора. Маринку одну оставлять нельзя, а я тут с вами прохлаждаюсь.

Она махнула нам на прощание и, не оборачиваясь, пошла прочь. Спешить ей было больше некуда.

\*\*\*

Проснулся с тем самым гадким ощущением, когда понимаешь: всё, приехали. Кажется, заболеваю. «Да чтоб его, — пронеслось в голове, — опять?» Всего неделю продержался, и вот, пожалуйста. Я ведь чувствовал вчера, как ноги превращаются в ледышки, но нет, надо было изображать из себя героя. Что стоило заскочить в любой магазин или просто в подъезд погреться?

И тут же, как назло, вспомнилась история. Двое моих зна-

комых как-то зимой возвращались из Москвы домой на стареньком «Запорожце». А это, на минуточку, почти четыреста километров. Пикантность ситуации была в том, что у машины отсутствовало лобовое стекло. Парни замотались шарфами по самые глаза, печка, естественно, не работала — настоящие экстремалы. Лица-то они уберегли, а вот ноги промерзали до костей. Так они в каждом городе по пути забежали в подъезды и прижимались к батареям. И что вы думаете? Ни один не заболел! Вот она, сила духа. А я? На их фоне, конечно, просто слабак.

Похоже, без помощи Григорьевой не обойтись. Зайду к ней, может, даст какую-нибудь чудо-пилюлю. Эх, где мой спасительный «Фервекс»? С возрастом я старался по врачам лишний раз не таскаться. Зачем идти в поликлинику, если больничный мне не нужен? Пустая трата времени.

На репетицию решил прийти пораньше, к половине восьмого. Вчерашний день пошел коту под хвост, так что сегодня нужно было наверстывать упущенное. Хорошо еще, Левицкий дал нам на подготовку целую неделю.

На улице морозный февральский воздух смешивался с паром от дыхания. У массивных дверей нашего училища уже собралась приличная толпа — человек тридцать, не меньше. Ученики топтались на месте, кутаясь в шарфы, и поднимая воротники. Их приглушенные разговоры сливались в единый обреченный гул.

«Опять мерзнуть...» — мысль проползла лениво и досад-

но, под стать всему этому утру.

И тут меня словно током ударило. Коваленко. Его же нет. А кто тогда откроет дверь? Как я мог забыть? Эта простая мысль показалась мне катастрофой. Ну и зачем я, спрашивается, припёрся так рано? Энтузиаст нашёлся. Совершенно вылетело из головы, что нашего вахтёра вчера забрала милиция, и теперь Левицкому придётся в спешке искать ему замену. Похоже, стоять нам здесь ещё долго. Я переминался с ноги на ногу, пытаюсь разогнать кровь, пытаюсь не допустить вчерашнего сценария. Толпа тем временем росла, пополняясь новыми замерзшими фигурами, и гул становился громче, в нем уже проскальзывали нотки раздражения. Кто-то из парней с наглой ухмылкой, попробовал подергать массивную ручку двери. Та, разумеется, не поддалась, лишь глухо лязгнула металлом, и этот звук эхом прокатился по застывшей улице, подчеркивая нашу общую беспомощность.

— Слышала, за что его забрали? — донёсся до меня чей-то голос.

Я обернулся. Две девчонки с потока прибористов, укутанные в одинаковые клетчатые шарфы, оживлённо обсуждали вчерашний инцидент. Новости у нас разлетаются моментально.

— Поговаривают, он тут по вечерам самогоном приторговывал, — заговорщицки прошептала вторая. — Прямо из канистры наливал желающим.

Я не удержался и, слегка переиначив Высоцкого, с улыб-

кой пропел им вслед:

— *И словно мухи, тут и там, ходят слухи по домам, а красивые девчонки их разносят по умам...*

Подмигнув им, я ожидал любой реакции, но они, как по команде, залились краской и поспешили отойти в сторону. Ну и ладно. Не очень-то и хотелось заводить знакомства с прибористками. Моё внимание привлёк тот самый парень, что дёргал дверь. Он не успокоился и теперь с азартом колотил по ней кулаком, словно надеясь выбить одним ударом. Рядом с ним стоял его приятель, такой же крепыш, и подбадривал его смешками.

— Да брось ты, Витёк ерундой страдать, — сказал я, не выдержав. — Только руку отобьёшь.

Витёк резко обернулся, смерив меня недружелюбным взглядом.

— А ты у нас самый умный, что ли? Может, у тебя ключ есть?

— Ключ у Левицкого, — спокойно ответил я. — А он сейчас, поди, только завтракает. И уж точно не торопится.

Мои слова, кажется, только подлили масла в огонь. Толпа, до этого просто недовольно гудевшая, теперь начала активно обсуждать руководство. Раздражение, копившееся на морозе, нашло, наконец, свой выход. Кто-то даже крикнул: — А давайте окно выбьем! — Идея была дурацкая, но несколько человек одобрительно загудели. Ситуация начинала вы-

ходить из-под контроля. Я представил, как Левицкий, явившись, наконец, обнаруживает разбитое окно и разъярённую толпу. Наказание последовало бы неминуемо, и пострадали бы все без разбора. Нужно было что-то делать.

— Эй, народ! — крикнул я, стараясь перекрыть общий гвалт, — можно попробовать через окно котельной пролезть. — Решётка там, на одном болте держится, я сам видел. Если её снять, самый худой пролезет и откроет изнутри.

Взгляды учащихся переместились с меня на окно, а затем начали скользить по толпе в поисках подходящей кандидатуры. И тут, к моему ужасу, десятки пар глаз остановился на мне. Я, конечно, не был атлетом, но и дистрофиком себя не считал. Однако по сравнению с Витьком и его друзьями я действительно выглядел самым подходящим кандидатом для этой авантюры.

Витёк хлопнул меня по плечу так, что я едва устоял, и с ехидной ухмылкой произнёс:

— Сам предложил, умник, вот сам и полезешь.

Отступить было уже поздно. Я обречённо кивнул, проклиная в душе собственную инициативность. Вся наша компания, предвкушая утреннее зрелище, двинулась следом за мной к котельной.

К решётке без лишних слов подошли двое самых крепких парней, включая Витька. Она действительно поддалась почти сразу. После одного рывка старый, проржавевший болт

с жалобным скрипом выскочил из кирпичной кладки, освобождая путь. Я шагнул к тёмному проёму. Оттуда пахло подвальной классикой: сыростью, угольной пылью и чем-то неуловимо затхлым. С тяжёлым вздохом я стянул куртку с шапкой и протянул их одной из девчонок-прибористок. Робкое восхищение в её взгляде вызвало во мне прилив дурацкой, но приятной храбрости. Да и мороз на улице недвусмысленно торопил.

Опершись о грязный подоконник, я полез внутрь, просовывая сначала одну ногу, потом другую. Джемпер то и дело цеплялся за острые края кирпичей, мешая движению. Наконец, мои ноги нащупали какую-то трубу. Потеряв равновесие, я неуклюже спрыгнул вниз, прямо в кучу угольной крошки.

Котельная встретила меня гулким эхом. Полумрак едва разгонял свет из окна, через которое я только что проник. В нос ударил въевшийся запах машинного масла. Два огромных котла, похожие на спящих железных чудовищ, занимали половину помещения. Эту котельную забросили не так давно, после того как училище подключили к центральному отоплению. Одинокая тусклая лампочка в проволочной сетке под потолком хватывала из темноты лабиринты труб, вентиляей и пыльных стеллажей.

Высшие силы сжалились надо мной: путь был свободен. Задерживаться здесь мне не хотелось на минуту. Я с трудом отворил массивную дверь, окованную стальными листами, и

шагнул в коридор, где каждый звук отдавался многократным эхом. Никогда раньше не забредал в эту часть подвала — просто не было нужды. После суеты внешнего мира здешнее безмолвие казалось оглушительным и почти осязаемым.

Поднявшись по ступеням на первый этаж, я первым делом направился к той самой злополучной двери, что стала источником наших проблем. Вернее не сама дверь, а Коваленко, который должен был её отпереть. Замок щелкнул, и я поспешно отступил в сторону, давая дорогу потоку продрогшей молодежи. Процессию замыкали две девушки, которым я одолжил свою куртку. Мой собственный вид был плачевным: одежда перепачкана угольной пылью, а руки и лицо напоминали о шахтере, только что покинувшем забой. И что теперь? Мчаться домой? Нелепая мысль, я лишь перепачкаю чистую одежду.

В глазах девушек я, похоже, выглядел настоящим героем из сказки.

— Меня зовут Лена, — улыбнулась одна из девушек, протягивая мне куртку. — А это Дана. Мы знаем, что ты Александр Махров, из музыкальной группы.

Я молча кивнул, но куртку брать не стал, демонстративно показав испачканные в саже ладони.

— Лен, помоги, а? — попросил я. — Сдай куртку в гардероб. Сама же видишь, я весь грязный, всё вокруг перепачкаю.

— Конечно! — охотно ответила она и быстрым шагом направилась к лестнице. Дана, осталась стоять рядом со мной — тихая и немного растерянная. Наше неловкое молчание прервал приход Левицкого. Он вошел в вестибюль с раскрасневшимся от холода лицом и тут же впился в меня суровым взглядом.

— Махров! Ты на себя в зеркало смотрел? Как будто всю ночь вагоны с углём разгружал. Не мог умыться и переодеться? Твой внешний вид не соответствует санитарным нормам учебного учреждения. Немедленно приведи себя в порядок, чтобы избежать загрязнения помещений. В противном случае претензии со стороны преподавательского состава и учащихся будут адресованы мне. Надеюсь на твоё понимание. Зятёк хренов — чуть тише произнёс Левицкий — направляясь в сторону лестницы.

На лице Даны отразилось искреннее недоумение, но я лишь пожал плечами, словно говоря: "Твоя воля — верить сказанному или нет. Мне было всё равно. Слухом больше, слухом меньше, какая разница. Наверняка сегодня появятся разговоры о нашей субботней беседе с Куртуа приправленные с помощью Вольты пикантными подробностями.

— Фёдор Фёдорович, подождите! — неожиданно произнесла она. — Саша не виноват! Он спас нас, поступил как настоящий герой!

Левицкий окинул ее холодным, оценивающим взглядом.

— Герой, говоришь? — хмыкнул он. — И какой же подвиг на счету вашего спасителя? Поведай, я весь во внимании.

Дана набрала в грудь воздуха, словно перед прыжком в ледяную прорубь. Ее щеки вспыхнули — то ли от смущения, то ли от праведного гнева. Но я ее опередил.

— Фёдор Фёдорович, поймите, если бы я или кто другой в окно котельной не залез, мы бы все так и стояли перед запертой дверью. И вы бы тоже внутрь не попали.

— Это как — запертой?! — изумился Левицкий. — А Коваленко где? Что-то я его не наблюдаю.

— И не увидите, — ответил я, понизив голос и шагнув к нему ближе. — Он в милиции.

— В милиции? — почти шепотом переспросил Левицкий, оглядываясь. — Откуда тебе это известно?

— Информация из первых рук, Фёдор Фёдорович.

— Надо же, из первых рук! — с едкой иронией протянул он. — Так почему же у меня, Махров, таких сведений нет? Не просветишь?

— Не переживайте, Фёдор Фёдорович, звонок из милиции или из прокуратуры не за горами.

— Ладно, всезнайка, иди, умойся, потом подойдёшь к Егорычу, скажешь, что я прислал, пусть он тебе какую-нибудь одежонку найдёт, потом вернёшь. Твоя только на выброс, даже на ветошь не годится. Надо же было так измазаться.

Словно приняв нелёгкое решение, Левицкий развернулся

и начал подниматься по лестнице.

После того как вернулась Лена я поблагодарил девушек за помощь и направился в подвал ожидать прихода завхоза.

Ждать его — гиблое дело, раньше полдевятого Егорыч и носа не покажет. А Левицкий на его вечные опоздания просто махнул рукой. Но другого выхода из сложившейся ситуации я не видел. Разве, что Катю с Мариной ко мне домой за одеждой отправить, а самому в трусах сидеть в нашей комнате ожидая прихода спасительниц. А что! Вариант вполне себе рабочий. В трусах, я конечно девчонок ждать не буду. Вдруг Макарская придёт или Верочка заглянет с очередной просьбой Левицкого срочно зайти к нему. А я в неглиже сижу, народ не поймёт. Замою как смогу следы грязи, точнее сказать размажу по поверхности тонким слоем. Решено, так и поступлю. Одежду конечно жалко у меня её и так немного. Новую покупать, финансов жалко. Об этом надо было раньше думать, а не проявлять излишний героизм. Почему я так поступил? Не скажет, наверное, никто. Как будто под чей-то гипноз попал. Спустившись в подвал, я первым делом снял джемпер и бросил его под дверь завхоза. Так, теперь умыться, а дальше всё по намеченному плану.

Вторая глава книги выйдет 17 апреля после публикации последней главы предыдущей, шестой, книги.

**Гл**

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.